

Б. Н. Миронов. Сибиреведение сегодня // Сибиряки: Региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве / Н. Н. Родригина (ред.). Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 5—12. *

Всероссийская конференция, в которой принял участие в качестве докладчиков по крайней мере 71 человек (столько статей опубликовано в рецензируемом сборнике), прошла в апреле 2008 г., менее года назад. Можно надеяться, что она отражает, хотя бы до некоторой степени, состояние современного исторического сибиреведения.

Чтобы оценить проблематику исследований, результаты которых были доложены на конференции и нашли отражение в статьях сборника, я распределил их по 19 тематическим рубрикам (табл. 1). Классификация статей имеет здесь до некоторой степени субъективный характер: ряд работ находится на стыке разных тем, ввиду чего их трудно однозначно отнести в ту или иную рубрику. Например, статью В. И. Баяндина «Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода» можно отнести к «историографии» или «военной истории». На мой взгляд, ее правомернее отнести к военной истории, хотя, возможно, не все согласятся с таким мнением. Однако подобных работ насчитывается не более десяти, они распределяются по разным рубрикам, и куда бы их ни отнести, тематическая структура всей подборки докладов существенно не изменится.

Таблица 1

Распределение докладов на Всероссийской конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ, по их тематике

Тематика докладов	Кол-вол докладов (статей в сборнике)	
	абс.	%
Преподавание истории в школе и вузе	12	16,9
Социальная история	10	14,1
История образования и культуры	10	14,1
Историография и источниковедение	8	11,3
Историческая демография	7	10,0
Политическая история	4	5,6
Устная история	3	4,2
Методология истории	3	4,2
История религии и церкви	3	4,2
Экономическая история	3	4,2
Изучение дискурса	2	2,8

* По публикациям в сборнике: *Пишем времена и случаи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апр. 2008 г.) / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2008. 282 с.*

Международные отношения	2	2,8
Историческая память	1	1,4
Военная история	1	1,4
История здравоохранения	1	1,4
Национальный вопрос	1	1,4
Итого:	71	100
В том числе:		
выполненных с использованием постмодернистской методологии	5	7,0
посвященных истории гражданского общества	4	5,6
посвященных аграрной истории	2	2,8

Как видно из таблицы 1, три первых места принадлежат исследованиям по методике преподавания, социальной истории, истории образования и культуры – на их долю совокупно приходится почти половина всех работ (45,1 %). Следующие три места занимают историография, историческая демография и политическая история – 26,8 % всех статей. Вместе на шесть указанных направлений приходится 71,9 %. Популярная в советское время политическая и экономическая история, включая аграрную, занимают весьма скромное место – соответственно 5,6 и 4,2 %. Зато появились новые направления исследований – устная история, история религии и церкви, изучение социокультурного дискурса. Среди десяти работ по социальной истории четыре посвящены развитию гражданского общества. В пяти работах (Е. И. Гололобова, Д. В. Карнаухова, А. Ю. Ледовских, Н. Н. Родигиной и В. Н. Худякова, М. А. Фатеенко) заметно влияние постмодернистской методологии. Все это говорит о том, что сибирские историки работают в русле общероссийской и мировой историографии.

Распределение работ по периодам также свидетельствует о сдвигах в исследовательских интересах. В настоящее время приоритетным вниманием пользуется период империи – на его долю приходится свыше половины всех работ (52,1 %); если к ним добавить те, которые заходят в XVIII – начало XX в., то имперскому периоду посвящены каждые три из четырех статей. Советский период отошел на второй план. Заметное место заняли исследования, выходящие за рамки одного периода, что также является новым явлением в историографии как всероссийской, так и сибирской (табл. 2).

Таблица 2

Распределение докладов на Всероссийской конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ, по периодам исследования

Исторический период	Кол-во докладов (статей в сборнике)
---------------------	-------------------------------------

	абс.	%
Период империи	37	52,1
Советский период	12	16,9
Комбинация периодов	12	16,9
До XVIII в.	6	8,5
Постсоветский период	2	2,8
Неопределенный период	2	2,8
Итого:	71	100

Статьи в сборнике расположены по алфавиту авторов, вероятно, из желания никого не обидеть, хотя авторы с фамилиями на последние буквы алфавита оказались в конце сборника и, возможно, все равно не испытали удовлетворения. Однако недостаток такого распределения статей в другом: чтобы найти интересующий его материал, читателю приходится просматривать большое оглавление с 71 названием. На мой взгляд, целесообразно избирать какой-нибудь другой порядок размещения статей – по проблемам или по периодам, хотя сделать это часто нелегко и требует дополнительных усилий от редколлегии.

Позволю себе высказать несколько соображений о некоторых работах, относящихся к досоветскому периоду. Мой краткий обзор построен по проблемному критерию.

Сборник открывает информативная статья Е. И. Соловьевой «О непростых временах и близких людях», посвященная краткой истории кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета. Хочется разделить оптимизм, высказанный автором: «Идущая реформа высшей школы не разрушит, а утвердит преемственность в подготовке педагогических кадров, сохранит высокие критерии их научно-педагогического и нравственного облика» (с. 12).

Как указывалось выше, сибирские историки идут в ногу с историками из столиц и Европейской России в целом. Так, в современной историографии, независимо от проблематики, важное место заняло **конструирование образов** России, ее народа и институтов в ходе так называемых историографических дискурсов – того, что не так давно называлось дискуссиями или обсуждениями. В сборнике в этой парадигме написано несколько интересных статей.

И. И. Ветров («Российская история в интерпретации Йоахима Лелевеля») изучает творческое наследие одного из основателей *польской россики* Й. Лелевеля (1786–1861). Статья чрезвычайно актуальна на фоне антирусской истерии на Западе последних лет, она до некоторой степени проливает свет на происхождение и причины негативного отношения официальной Польши к России. Лелевель в своих трудах утверждал, что

Московское государство XV–XVII вв. никакого отношения к Киевской Руси не имело, оно зародилось в «волжских краях уральского племени, славянскому племени чуждого», находилось в даннических отношениях к Польше и только впоследствии захватило западные земли, которые в древние времена принадлежали Польше. Многочисленные сочинения Лелевеля, активно занимавшегося, кроме истории, также и политикой, преследовали целью убедить западное общественное мнение в нелегитимности российского государства, неславянском происхождении и неевропейскости русских, в необходимости пересмотреть итоги трех разделов Польши. Эти идеи были экспортированы на Запад и служили целям варваризации и очернения образа России в европейском общественном мнении. В частности, они пользовались большим спросом во время Крымской войны.

Экспорт взглядов польских националистов на Запад в первой половине XIX в. считается второй волной, а первая произошла в XV–XVII вв., и к ее анализу прямое отношение имеет статья Д. В. Карнаухова «Идеологические акценты в концепции этнополитической истории Руси Яна Длугоша». Автор показывает, насколько тенденциозно ведущий средневековый польский историк Я. Длугош (1415–1480), кстати, как и Лелевель, занимавшийся политикой, сконструировал историю Древней Руси, обосновывая гегемонистскую внешнеполитическую доктрину Польши. Напомним, что в католической и протестантской Европе негативный образ России возник именно во второй половине XVI в. при больших усилиях Польши, выполнявшей в то время функцию культурного посредника во взаимоотношениях православного Востока и католического Запада. «На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI в. и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII вв. можно повторить мысль Л. Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения), что «если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать»¹.

Образу России, точнее, одного его региона – Севера Сибири, посвящена и работа Е. И. Гололобова «Конструирование образа Севера Западной Сибири в специальной североведческой литературе 1920-х гг.». По мнению автора, попытка создания динамичного, прогрессивного образа региона не удалась по причине патерналистской политики государства, деятельности ГУЛАГа и разграбления природных богатств. На наш

взгляд, пиар-кампания по созданию нового образа региона в статье показана, а вот утверждение, что новый образ не привился, так же, как и рассуждения о причинах этого, постулированы, но фактическими данными не подкреплены. В этой связи очень важно уточнить: о массовом сознании каких регионов идет речь – о Европейской России или Сибири, поскольку образ Севера имел различные коннотации в отдельных частях огромной страны.

Большой интерес представляет статья А. А. Григорьева «Отражение взаимоотношений местной администрации и купечества Сибири первой половины XIX в. в мемуарной литературе». В ней предпринимается попытка до некоторой степени реабилитировать сибирскую коронную администрацию, что мне представляется правильным и своевременным. По моему мнению, образ российских чиновников незаслуженно принижен в массовом сознании и научной литературе². Григорьев объясняет причины этого на примере купцов. Последние в борьбе с администрацией за свои групповые интересы использовали, кроме жалоб, дискредитацию, причем их записки и мемуары являлись эффективным инструментом для реализации этой задачи. Написанные якобы для потомков и не для публикации, на самом деле мемуары служили делу диффамации и клеветы на бюрократию. Для иллюстрации этого положения автор сравнивает мемуары купца П. Т. Баснина, чиновника И. Ф. Парфентьева, жандарма Э. И. Стогова, декабриста Н. В. Басаргина и находит противоречия в их свидетельствах, доказывающие, что между администрацией и купцами шла борьба за влияние, престиж, власть и денежные потоки. Именно это и мотивировало купцов на намеренную клевету, которую читатели их жалоб и воспоминаний часто принимали за чистую монету. Конкуренция купечества и коренной администрации в Сибири, где не было дворянства, напоминает конкуренцию между администрацией и дворянством там, где существовали дворянские общества³. В недавней книге это хорошо показано на примере Казанской губ., где местное дворянство было способно убрать любого неугодного чиновника, не исключая и губернатора⁴.

Дискурс в русской журналистике относительно конфликта отцов и детей, периодизации русской истории и литературы по поколениям интеллектуалов – тема оригинальной статьи Н. Н. Родигиной и В. Н. Худякова «Глашатаи новой России: авторы “поколенческого” дискурса русской журнальной прессы 1860–1870-х гг.». На примере Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова и А. М. Скабичевского авторам удалось показать, как конструировалась поколенческая периодизация в ведущих русских журналах, какие цели она преследовала и насколько успешно эти цели реализовались. По их мнению, дискурс

имел целью интегрировать «детей» – новых людей 1860–1870-х гг. – в воображаемое поколенческое сообщество, сформировать для них поведенческий кодекс, противопоставить их консервативным «отцам» 1840–1850-х гг. и создать для молодежи образы «нового» поколения в качестве примера для подражания. Эта цель, по-видимому, была реализована, как можно судить по следующим данным. Анализ 1,5 тыс. воспоминаний народников 1870-х гг., проведенный Л. А. Колесниковой, показал, что почти каждый второй мемуарист (46,7 %), несомненно, читал произведения Д. И. Писарева, а 36,7 % считали его своим учителем⁵.

О. Е. Шишкина («Образ народа в публикациях журнала "Русский вестник" 1866–1887 гг.») выяснила, что народ для авторов консервативной ориентации являлся синонимом сословия крестьян, представлялся «бедным, экономически и социально не защищенным, темной, не просвещенной массой, затянутой в пьянство, лишенной свободы передвижения и распоряжения своим трудом, неграмотной в ведении хозяйства. С другой же стороны, он объявлялся опорой всей государственной политики и экономики, а достижение народного благоденствия декларировалось как первостепенная задача государства» (с. 263). Стоит подчеркнуть, что трактовка крестьян как бедных и отсталых, униженных и оскорбленных имела политическую составляющую. Такие крестьяне нуждались в поддержке, представительстве, защите, руководстве, и все это им могла дать интеллигенция, в особенности профессионалы, работавшие в деревне агрономами, учителями, врачами, статистиками⁶. Идея о крестьянской отсталости и бедности намеренно культивировалась интеллигенцией и внедрялась в сознание самих крестьян, воплощалась в новых учреждениях, например, сельскохозяйственных кооперативах, призванных модернизировать деревенскую жизнь. Культурная дискриминация крестьян служила способом самоидентификации и самоутверждения интеллигенции и средством установления контроля над крестьянами, что позволяло руководить их жизнью, направлять их поведение в нужном направлении, а также помочь самой интеллигенции материализовать свои политические интересы⁷.

Три статьи в сборнике посвящены еще одному новому направлению в историографии – **устной истории**. Т. К. Щеглова («Развитие отечественной устной истории: проблемы и подходы в терминологии и классификации источников») акцентирует внимание на нечеткости дефиниций и категорий в устной истории, чему, по ее мнению, способствует неопределенность характера источников и их места в научной классификации. А. П. Бородовский и А. А. Бодрова («Новые материалы по устной истории с. Ташара»), опираясь на рассказы респондентов, уточняют дату возникновения

села. Е. Ф. Фурсова («Ценностные ориентации и ментальность белорусских переселенцев Сибири в рассказах переселенцев») исследует трансформацию этнического менталитета белорусов в XX в. после переселения в Сибирь, основываясь на опросах потомков переселенцев.

Ряд статей явно или латентно посвящен новой большой проблеме российской историографии – **развитию гражданского общества**. И. А. Ерёмин («Патриотические настроения в Западной Сибири в годы Первой мировой войны») и Т. А. Кижаяева («Модели помощи и поддержки социально уязвимых слоев населения в годы Первой мировой войны») анализируют деятельность массовых добровольных благотворительных организаций в деле помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям и приходят к выводу, что благотворительность свидетельствовала о патриотических настроениях в самых широких массах сибирского общества (Ерёмин), она позволяла снять социальное напряжение в городе и деревне, возникшее в результате массовой мобилизации мужчин (Кижаяева). И. Ю. Юрочкина («У истоков дополнительного образования в Западной Сибири: деятельность общественных объединений Томска на рубеже XIX–XX вв.») положительно оценивает деятельность двух добровольных ассоциаций – Общества попечения о начальном образовании и Общества содействия физическому развитию. Первое содействовало развитию всех сфер народного образования, второе – улучшению физического и нравственного здоровья. Поскольку наличие любых добровольных объединений является важным признаком развития гражданского общества, проведенные исследования говорят о том, что в Сибири, как и во всей России конца XIX – начала XX в., гражданское общество успешно развивалось.

И. Г. Адоньева («Периодическая печать как источник для реконструкции взглядов западносибирской юридической интеллигенции на судебную систему региона во второй половине XIX – начале XX в.: основные итоги изучения») показала, что при изучении судебной системы региона сибирская пресса представляет существенный источниковедческий потенциал. Она обнаружила интересный факт: юридический дискурс в Сибири, как и в европейской части страны, проходил в рамках либерального правосознания, концепций правового государства и гражданского общества; в прессе настойчиво проводилась мысль, что на Сибирь должно быть распространено общероссийское законодательство, а судебную систему следует унифицировать по образцу Европейской России.

В постсоветской историографии заметное развитие получили **историко-демографические исследования**. И в данной области сибирские историки выполнили

много интересных работ. Среди них важное место принадлежит исследованиям В. А. Зверева. В рецензируемом сборнике он порадовал читателей интересной статьей, выполненной в соавторстве с Е. В. Коневой. В ней предпринята попытка выяснить типологию семейной организации в четырех округах Тобольской губ. по материалам 3128 подворных карточек Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Как известно, в подавляющем большинстве губерний подворные карточки были уничтожены, и в силу этого сохранившиеся представляют особый интерес. Анализ показал, что на долю составных семей приходилось 25,4 %, расширенных – 17,7, малых – 50,8, прочих – 6,1 % от общего числа семей. Это оказалось похожим на семейную структуру сельского населения Европейской России 1897 г., где составная и расширенная семьи составляли 46,6 %, малая – 50,5, прочие – 2,9 %⁸. Это свидетельствует о том, что никакой особой архаики в семейной структуре Тобольской губ. не наблюдалось. Но авторы поставили еще более смелый вопрос: какие социально-экономические факторы влияли на семейную структуру. Для его решения они сравнили состав семей в северо-восточных (менее развитых в социально-экономическом отношении) округах и в юго-западных, более развитых, предположив, что в первых сложных семей будет больше. Однако оказалось, что на самом деле доля расширенных и составных семей на северо-востоке губернии была на 5,8 % ниже, чем на юго-западе – 40,0 % против 45,8 %. Этот неожиданный результат натолкнул исследователей на мысль, что капиталистическая семейная кооперация и многопрофильность хозяйства, распространенные в юго-западных округах, вероятно, способствовали укрупнению семьи. Эту гипотезу они и собираются в дальнейшем проверить. На мой взгляд, сначала целесообразно проверить другую гипотезу: не объясняются ли небольшие различия в семейной структуре двух мини-регионов главным образом ошибками выборок. Для проверки этой последней гипотезы следует посчитать стандартные ошибки выборок, тогда станет ясно, являются ли различия в семейной структуре двух мини-регионов статистически значимыми или нет. Если являются, тогда и потребуется проверить первую гипотезу о влиянии хозяйственной специализации на семейную структуру. Во всех случаях полученные выводы представляют большой научный интерес, и они хорошо согласуются с результатами, полученными В. А. Зверевым в цикле работ, посвященных Западной Сибири, в которых автор убедительно, на мой взгляд, доказывает, что демографическое развитие региона происходило одновременно и согласованно с Европейской Россией, т. е. что Сибирь не была регионом «третьего эшелона» в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения⁹.

В сборнике три очень интересные **методологические статьи**. Т. Л. Южакова («Системный и синергетический подходы в исследовании промыслов русского сельского населения Степного края второй половины XIX – начала XX в.») имеет серьезное намерение изучить промысловую деятельность с помощью системного и синергетического подходов, поскольку промыслы, резонно полагает автор, имеют системную организацию. Данное исследование носит пилотажный характер: выразить различные элементы промысловой деятельности в терминах синергетики. Совокупность промыслов определяется как открытая диссипативная система, которая обменивается энергией и информацией с общей хозяйственной системой региона; интенсивное переселенческое движение рассматривается как главный фактор вхождения хозяйств региона в зону бифуркации (перемен); достижение благосостояния населения, занятого промыслами, признается аттрактором (целью-программой) системы и т. д. Кому-то это может показаться игрой с синергетическими понятиями. Однако только так и можно связать историческую эмпирию с научными понятиями синергетики, ибо без эмпирической и операционной интерпретации понятий невозможен анализ изучаемого явления в рамках синергетической парадигмы. Пожелаем автору успешно реализовать интересно задуманное исследование.

По названию работы М. А. Фатеенко («Проблемы развития начального образования в Сибири в отражении русской журнальной прессы начала XX в.: методология и методика исследования темы») можно подумать, что главное в ней – изучение начального образования. На самом же деле – это интересная методологическая статья, в которой история образования является, по сути, поводом, чтобы обсудить методологические и методические проблемы исторического знания. Автор совершенно резонно доказывает необходимость изучения частного вопроса развития начального образования в контексте модернизации российского общества, в рамках интеллектуальной истории, под углом зрения изучения общественного мнения с помощью изоэтрной методологии, включающей контент-анализ и сравнительно-исторический метод. Статья фактически презентует программу изучения важной и актуальной проблемы с помощью современного инструментария и, на мой взгляд, представляет несомненный интерес как пример оригинального и многообещающего подхода для исследователя любой проблемы в области истории культуры и образования.

В статье В. П. Зиновьева «Как нам относиться к советской истории?» обоснованно ставится вопрос о пагубности очернения советского периода российской истории и о необходимости включения его в контекст модернизации страны, начавшейся в XIX в. и

продолжающейся до настоящего времени. Можно согласиться с автором, что методологически несостоятельно вычеркивать из истории великой страны большой 75-летний период, тем самым допуская, что жизнь двух поколений россиян оказалась бессмысленной и бесполезной. На самом деле в советское время модернизация продолжалась, причем, как показывают последние исследования, она затронула не только экономику, но и государственность, и общественные отношения, ибо гражданское общество не умирало в СССР, его развитие было приостановлено лишь на короткое время¹⁰. Разделяю исторический оптимизм автора: «У нас не было золотого века, нам всегда жилось трудно, но от века к веку лучше» (с. 98). Я только что закончил большое исследование, посвященное уровню жизни в России за три века (XVIII–XX), которое показывает, что благосостояние россиян в последние два века систематически повышалось¹¹.

В постсоветской историографии большое внимание стало уделяться **истории церкви**, и сибирские историки не остались в стороне. Свежий взгляд на деятельность Русской православной церкви высказан в статьях Е. В. Караваевой «Вклад архиепископа Макария (Невского) в развитие санитарно-гигиенической культуры населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.)» и С. В. Кондратьева «Церковные школы Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX в.». Е. В. Караваева на примере Томской епархии показала, как церковь выполняла три общественно значимые функции в контексте медицинского просвещения населения: она «являлась главным, зачастую единственным информационным источником санитарных знаний, несла на себе основной груз по организации и оказанию посильной медицинской помощи населению, была материальным источником этого процесса» (с. 101). С. В. Кондратьев установил, что две первые миссионерские школы были открыты на Алтае в 1830 г., в 1884 г. их число достигло 23 с числом учащихся 564, в 1917 г. – соответственно 90 и свыше 3208. С ростом числа школ возрастала и миссионерская деятельность, имевшая целью просвещение и обучение русскому языку.

Исследуя процесс христианизации хакасов в контексте политики церкви и государства, В. Н. Асочакова («Религиозно-конфессиональные условия христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края, XVIII в. – 1861 г.») пришла к выводу, что условия миссионерской деятельности были «довольно благоприятными» благодаря численному преобладанию православного населения. Однако христианизацию тормозили бытовой характер православия крестьян-мигрантов, недостаток духовенства и его низкая профессиональная квалификация.

Наиболее видное место в сборнике занимают работы **по истории образования и культуры**. Интересную информацию сообщает Н. В. Елизарова («Книгоснабжение библиотек церковно-приходских школ Западной Сибири в конце XIX в.»). В конце XIX в. в России церковно-приходские школы централизованно снабжались литературой, а их библиотеками можно было пользоваться бесплатно, что облегчало доступ к книге беднейших слоев населения.

Ю. В. Тимофеева («Приговоры крестьянских сходов как источник для изучения сельской книжной культуры конца XIX – начала XX в.: по материалам Западной Сибири») исследует отношение крестьянства к проблемам образования и культуры. Автор приходит к выводу, что сельские библиотеки создавались по единогласному решению волостных сходов, но инициаторами этого выступали чаще всего Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ., иногда сельские начальники и редко крестьяне. Финансировали библиотеки указанное Общество и сельские общества. По мнению Ю. В. Тимофеевой, единодушная поддержка библиотек сельскими обществами и увеличение числа приговоров говорили «о растущих духовных потребностях крестьян, осознании ими пользы знаний, о понимании важной роли книг в хозяйственной жизни, общественной деятельности, проведении досуга, воспитании подрастающего поколения» (с. 218). Это заключение, на первый взгляд, вытекает из текста приговоров: «Устройство в нашем селении библиотеки полезно, а потому и желательно. Она даст возможность грамотным людям из среды нашего общества не забывать грамоты, а также приобретать полезные сведения, необходимые для просвещения и для занятия сельским хозяйством, ремеслами и промыслами; неграмотным людям библиотека даст возможность в свободное от работ время послушать чтение хорошей книги» (с. 214). Подобные решения в одинаковых выражениях принимались и вносились в протоколы многих других сходов. Хороший литературный стиль и однообразие формулировок убеждают, что решения принимались под влиянием и при непосредственном участии представителей Общества содействия устройству сельских библиотек, что Ю. В. Тимофеева допускает, однако глубокое понимание крестьянами проблемы грамотности под сомнение не ставит. На мой же взгляд, приговоры не дают основания говорить о том, что земледельцы сознавали многофункциональную ценность грамоты и благодаря этому стремились обучать своих детей. Относительно Европейской России нам известно, что у крестьянства длительное время отсутствовали серьезные внутренние и внешние стимулы к получению образования. Со второй половины XIX в. у них возникла потребность в умении читать. Однако умение учиться у книги, руководство-

ваться прочитанным и усвоенным в своем поведении так и не стало внутренней потребностью вплоть до 1917 г. Именно потому, что грамотность была элементарной, поверхностной, не функциональной, она не оказывала серьезного воздействия на деревню. Кроме того, старшее поколение крестьян, понимая опасность, которую систематическое образование представляло для традиционной народной культуры, намеренно не допускало к глубокому образованию детей и молодежь. Родители совершенно сознательно разрешали своим детям учиться в школе лишь полтора-два года, чтобы не потерять над ними полный контроль и чтобы они «не испортились». Поэтому, если дети и учились, то недолго – около двух лет, и лишь умению читать, а не умению учиться у книг, осмысливать прочитанное, что не позволяло им слишком подняться над родителями в интеллектуальном отношении¹². Вряд ли в Сибири было по-другому. Во всяком случае, это требуется доказать.

Н. И. Чуркина в статье «Историческая география педагогического образования Западной Сибири» изучает вопрос об обеспечении учебных заведений профессиональными педагогическими кадрами. Автор обнаружила, что вплоть до Первой мировой войны ощущался дефицит учителей: в 1914 г. в Западно-Сибирском учебном округе доля лиц с профессиональным образованием составляла лишь 26,8 % всех учителей. К тому же наблюдалась высокая текучесть кадров (216 человек из 728, или 29,7 %, оставили работу в течение одного года) – свидетельство того, что за учительское место не держались и, значит, безработицы не боялись. Однако к 1917 г., благодаря бурному развитию педагогического образования, сложилась ситуация, когда всем получившим светское учительское образование в Западной Сибири не хватало штатных должностей *в городах*, но в быстро растущей *сельской* школе потребность в подготовленных учителях ощущалась по-прежнему остро.

Как уже указывалось, **аграрная история** оказалась падчерицей в современной историографии, и по мере ухода историков старшего поколения над этой важнейшей областью исторического знания нависла угроза попасть в красную книгу исчезающих направлений. В рецензируемом сборнике аграрной истории посвящено две статьи. А. А. Воронина («Деятельность межевых чинов в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.») исследует межевое дело в России, акцентируя внимание на одну из причин медленного хода Столыпинской реформы – на недостаток землемеров, который зачастую игнорируется исследователями, стремящимися во что бы то ни стало доказать, что реформа провалилась. В 1906 г. по всей стране на службе в землеустроительных комиссиях имелось всего 2150 землемеров, к 1910 г. их стало 5 тыс. (в том числе в Сибири

– 1200), к 1915 г. – 7 тыс. О. Н. Катионов и О. Н. Сидорчук («Исследование В. И. Прониным проблем формирования рынка в Сибири периода капитализма: 1861–1917 гг.») взвешенно и объективно оценивают историографическое наследие известного сибирского историка-аграрника. По их мнению, именно В. И. Пронин поставил и дал предварительное решение вопроса о месте Сибири в составе всероссийского и мирового рынков: по завершении строительства основных участков Великой Сибирской магистрали в 1896–1899 гг. Сибирь стала органической частью того и другого.

Позволю себе сделать три общих замечания.

В данном сборнике, как и в большинстве других книг, издающихся в Сибири и подготовленных, что называется, сибиреведами, крайне редко анализируется развитие Сибири во всероссийском контексте: только в четырех из 71 статьи (авторы – И. Г. Адоньева, А. А. Воронина, В. А. Зверев и Е. В. Конева, Л. Н. Славина), т. е. в одной из восемнадцати. Линию по вовлечению сибирских материалов во всероссийский дискурс последовательно проводит в своих работах В. А. Зверев, но, к сожалению, последователей у него пока находится немного. Вследствие этого сибирская историография стоит до некоторой степени особняком во всероссийской, ее результаты редко органически включаются в отечественную историографию. Тем самым сибирские историки сами себя изолируют и выглядят своего рода областниками. Даже термин появился – сибиреведение. Это обидно, ибо сибирские историки имеют значительные достижения. Истоки некоторого изоляционизма уходят в XVIII–XIX вв., когда сведений по Сибири было крайне мало, и исследователи, изучавшие всероссийские материалы, были вынуждены исключать ее из своего анализа. Например, демографическая и экономическая статистика по Сибири, сколько-нибудь сопоставимая с Европейской Россией, появилась только в конце XIX – начале XX в. Все же сибирские историки почти всегда имеют возможность сравнить свои выводы с результатами, полученными по Европейской России, но, к сожалению, делают это редко.

В исключительных случаях обращаются сибиреведы и к зарубежной историографии – почти как в советские времена. Только в двух статьях (И. И. Ветрова и Д. В. Карнаухова) встречаются иностранные ссылки – на работы Й. Лелевеля и Я. Длугоша, которым и посвящены статьи. В данном случае, правда, можно указать на смягчающее обстоятельство – недоступность зарубежной литературы, хотя в век Интернета извинительность игнорирования зарубежной историографии постепенно сходит на нет. Однако и переводная иностранная литература используется редко.

Например, Т. К. Щеглова в интересной статье по устной истории не использует три важные большие книги по своей проблематике¹³.

Озадачивает, что немногие авторы сборника используют свежий архивный материал. В большинстве статей нет ни одной ссылки на архив. Насколько мне помнится, в далекие советские времена сибирские историки обращались за фактами в архивы чаще, чем сейчас. К сожалению, это также общая тенденция современной российской историографии. Возможно, одна из причин этого кроется в материальных трудностях последнего двадцатилетия, на что эвфемистическим образом указала Е. И. Соловьева: «Нужно было приспособливаться к новым рыночным условиям. Жизненные силы, душевная энергия отдавались не только студентам института, но и поискам работы вне его стен» (с. 12).

Подведу общие итоги. Рецензируемый сборник показывает, что, несмотря на трудности переходного периода, жить в который, как известно, еще древние мудрецы не советовали, а живущим – сочувствовали, сибирская историография в настоящее время находится на подъеме. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство статей рецензируемого сборника отличает высокий профессионализм, а их авторов – любовь к предмету и профессии. Сборник достойно отмечает знаменательный юбилей кафедры отечественной истории НГПУ. В нем приняли участие почти все сотрудники кафедры, а также их аспиранты, соискатели и студенты – всего 38 авторов из Новосибирского педагогического университета. Это является залогом того, что кафедра не имеет намерения почить на лаврах. Пусть сбудутся слова ее теперешнего руководителя профессора Е. И. Соловьевой: «Глубоко верю в то, что мои последователи окажутся верными идеалам тех, кто создавал кафедру, укреплял ее силами своего авторитета, мечтал о том, чтобы по уровню своей научно-педагогической квалификации она поднялась на планку всероссийской значимости» (с. 12).

¹ *Филюшкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 225–226.

² См. об этом: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 162–175.

³ Там же. С. 253–257.

⁴ *Бикташева А. Н., Гизатуллин М. Х., Ильина К. А.* Неформальные практики властвования в Казанской губ. (первая половина XIX в.). Казань, 2006. С. 44–56.

⁵ *Колесникова Л. А.* Мемуары революционеров 1870-х гг. об идейно-психологическом воздействии на них литературы // *Вопр. истории*. 2005. № 5. С. 99.

⁶ Эта идея разделялась значительной частью интеллигенции: *Энгельштейн Л.* «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49. С. 31-49; *Hutchinson J.* *Politics and Public*

Health in Revolutionary Russia, 1890-1918. Baltimore: John Hopkins University Press, 1990; Health and Society in Revolutionary Russia / J. Hutchinson, S. G. Solomon (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1990; *Seregny S.* Russian Teaches and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905. Bloomington: Indiana University Press, 1989; *Ruane Ch.* Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860-1914. Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994. P. 185-197.

⁷ *Коцонис Я.* Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914. М., 2006. С. 152-171..

⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 226.

⁹ См.: *Зверев В. А.* Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; *Он же.* Начало и особенности демографического перехода в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: Материалы Регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2005. Т. 3. С. 22–26; *Он же.* Старт модернизации: Демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; *Он же.* «Родится на смерть, умрет на живот»: Естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 107–124; и др.

¹⁰ См.: *Шубин А. В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

¹¹ См.: *Миронов Б. Н.* Когда в России жилось хорошо // Родина. 2008. № 2, 4–8.

¹² См.: *Миронов Б. Н.* Ученость – вот чума, ученость – вот причина // Родина. 2006. № 6. С. 2–8.

¹³ См.: *Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история. М., 2003; *Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Хрестоматия по устной истории / Авт. введения, сост. и переводчик М. В. Лоскутова. СПб., 2003.